

Л. В. Педченко, М. І. Філон
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Із філологічної спадщини Харківського університету

Філологічна думка в Харківському університеті має давні традиції. Кожен етап розвитку *alma mater*, починаючи з моменту заснування навчального закладу і закінчуючи сьогоденням, пов'язаний із діяльністю багатьох знакових для вітчизняної та зарубіжної філологічної науки постатей, зокрема таких, як І. І. Срезневський, О. О. Потебня, Д. М. Овсянко-Куликовський, М. Ф. Сумцов, Л. А. Булаховський, М. М. Баженов, О. М. Фінкель, Ю. В. Шевельов, З. С. Голубева, Г. І. Шклярєвський, Ф. Х. Широкоград, Р. М. Піддубна та інші. Філологічна традиція в Харківському університеті представлена й іншими іменами, можливо, менш відомими, але не менш значущими для становлення й розвитку Харківської філологічної школи. Одне з таких імен – Іван Євсійович Срезневський, професор Харківського університету, батько видатного славіста І. І. Срезневського, 200-літній ювілей з дня народження якого буде відзначатися 13 червня 2012 року. Публікація роботи І. Є. Срезневського розпочинає серію матеріалів, покликаних окреслити основні віхи на шляху зародження, становлення та розвитку Харківської філологічної школи. Одні з таких матеріалів і сьогодні зберігають свою теоретико-пізнавальну значущість, інші цікаві суто з історичного погляду. Однак і перші, і другі відображають живий подих університетської філологічної науки в усьому розмаїтті її наукових напрямків і дослідницьких інтересів.

І. Є. Срезневський (6.03.1770–06.10.1819) – письменник, поет, перекладач, професор Харківського університету. Народився в с. Срезневка Сольського повіту Рязанської губернії в сім'ї священика. У 1782 р. вступив до Рязанської семінарії, після закінчення якої отримав звільнення від духовного звання. У 1792 р. був зарахований до університетської гімназії в Москві і в цьому ж році вступив на словесне відділення філософського факультету Московського університету. У 1796 році закінчив університет із срібною

медаллю. Наступного року був прийнятий бакалавром до учительського інституту при Московському університеті. У 1804 році отримав ступінь магістра філософії й вільних наук і був запрошений до Демидівського училища (м. Ярославль) на кафедру словесності давніх мов і російського красномовства. Професором цього училища він залишався до 1812 року, коли був запрошений до Харківського університету. Тут І. Є. Срезневський очолив кафедру російської мови та літератури. Викладав курси російської словесності, естетики, слов'янської мови. У 1813 році отримав ступінь доктора вільних наук.

Як літератор І. Є. Срезневський відомий своїми одами та ораторіями, якими він відгукувався на події тогочасного суспільного життя («Оратория на торжество избавления отечества от лютого и сильного врага, в Императорском университете празднованное 25 декабря 1814 года. Харьков», «Победная песнь россии...»), перекладами античних авторів (Горація, Феокрита та ін.), численними переспівами псалмів, що друкувалися у першому українському журналі «Український вісник». Дослідницькі інтереси презентують праці «О происхождении и причинах различия дарований в людях» (Харьков, 1812), «Слово о благодетелях промысла Божия» (Харьков, 1815). «Окреме місце серед розмислів І. Є. Срезневського займає його незакінчена стаття «Славянская мифология или о Богослужении русском в язычестве», в якій коротко схарактеризовано божества слов'ян порівняно з греко-римськими. Стаття ця цікава як натяк на наукові інтереси І. Є. Срезневського, ті інтереси, з яких пізніше почав свою діяльність його знаменитий син – Ізмаїл Іванович Срезневський, який написав у молоді роки розлогі дослідження з міфології» (М. Сумцов). Безсумнівно, розвідка І. Є. Срезневського «Славянская мифология...» важлива і як окрема сторінка в історії розвитку філологічної науки в Харківському університеті, і як свідчення тяглості наукової традиції, що

стала однією з передумов становлення Харківської філологічної школи.

И. Е. Срезневский

Славянская мифология, или О богослужении русском в язычестве

Богослужение древних славян нам недовольно известно; а обряды при оном употреблявшие-ся еще менее. Наши летописцы пишут об этом очень коротко, и то как будто с каким-то презрением и отвращением; может быть потому, что они боялись, чтобы такими подробными описаниями идолопоклонства не возродить оно опять в народе непросвещенном и еще недавно по принуждению принявшем истинную веру. Такая осторожность похвальна; но мы чрез нее лишаемся многого: ибо ни из чего так нельзя судить о характере народов, как из их религии и обрядов. Надобно думать, что у славян так же, как и у прочих идолопоклоннических народов, были петы гимны в честь богов их; но оные по введении христианской веры может быть строго были запрещены даже и в обыкновенных забавах; – а таких дальновидных писателей не было, которые бы старались тайно писать все древности и чрез то познакомить потомство с их предками. Потому-то все древние песнопения и обряды в скором времени все почти преданы всеобщему забвению и до нас не дошли. Правда, в простонародии и ныне есть кой-какие отрывки древних славянских гимнов или дифирамбов с именами богов, – которые, может быть, остались от тех славянских народов, кои упрямее прочих были в принятии христианства: каковы были *вятичи*, *мурома*, и проч. Но все сии остатки так испорчены, так перековерканы, что ничего целого в них найти нельзя. Мы воспользуемся по крайней мере тем, что найдем в наших летописцах в рассуждении древнего славянского богослужения, – и несколько возьмем их преданий.

Если поверить Прокопию Кесарийскому; то древние славяне почитали одного Бога невидимого, которого никогда ни в каких лицах не изображали, – почитали его создателем вселенной, заколали в жертву ему тельцов и агнцев. Они не признавали магометанского рока и ничего не приписывали случаю, но все провидению. В трудных болезнях, или идучи воевать против неприятеля, или в других опасностях делали жертвенные обеты Богу своему, – и по исполнении их упования выполняли оные немедленно.

Никто однако не упоминает о том, как называли славяне сие верховное существо, ими поклоняемое. У цельтов верховнейший из их богов назывался *Одином*; цельты были соседы славянам, слово *один* есть также славянское и значение оно всякому известно. Посему можно догадываться, что *Один* был общий Бог как цельтов так и славян, – хотя утвердительно сказать того нельзя. И то так же от нас совершенно закрыто, когда кончилось у славян такое поклонение единому существу и началось многобожие. Во времена Буриvoja и Гостомысла находим, что многобожие уже существовало между новгородскими славянами и чудью. В *Колмогарде* городке при Ильмене лежащем и в *Зимологах* около Чудского озера были прорицатели или *вещуны* (род жрецов), – которые именем богов, неизвестно каких, давали ответы приходящим на поклонение к оным и желающим знать о будущей судьбе своей. История представляет пример сему в самом Гостомысле, – который, увидев значительный сон, посылал в Колмогарт и в *Зимогоры* спросить вещунов о значении оногo.

При Владимире в первый раз видим мы имена некоторых богов и некоторые обряды при жертвоприношении употребляемые. Нельзя однако ж думать, чтоб Владимир ввел первый почтение сих богов; он только собрал всех их из разных народов, под его владением находящихся, и сделал из оных как будто Пантеон.

[...]

Хотя исторически нам неизвестно, откуда к славянам и прочим северным народам зашло многобожие; но, кажется, позволительно думать, что это греческие и римские боги на севере приняли другие имена и другие виды: ибо мы увидим, что славянские боги имели почти все свойства богов греческих и римских.

Перун, или как некоторые называют *Перкун*, был главнейший из богов славянских, – которому приписывали все те свойства, какие греки своему Зевесу, а римляне Юпитеру. Перуново могущество простиралось над всеми явлениями небесными. Он являл себя смертным в молниях, и мщение его ниспускало громовые стрелы на главы грешников. Самое имя означало *гром*, или *громовую* стрелу. Происходит от *Пера*, как необходимого при всех стрелах; или от глагола *Парю*, который также переименовался из *Перю* и значит стремительное летание. Может быть, это тот самый бог, которого древние скифы почитали под именем *Полея*.

У киевского Перунова истукана голова была серебряная, уши золотые, ноги железные, а все прочее из крепкого дерева. В руках держал он камень, на котором представлены были стремящиеся молнии из драгоценных камней, рубинов и карбункулов. Храм его был над *Буричевым током*, на высоком холму; в оном беспрестанно горел пред ним огонь; жрец,

небрежением допустивший погаснуть сему огню, наказывался смертью. В жертву приносили ему волов, часто пленных, особливо христиан, а иногда и младенцев своих.

Истуканов Перуновых было много по разным местам; но знатнейшие из них киевский и новгородский, воздвигнутые Владимиром и Добрынею.

Перуну посвящены были многие леса, в которых срубить дерево считалось за величайший грех, – и одна только смерть могла очистить такое преступление.

Волос, или *Велес*, после Перуна занимал первое место и почитался богом скотоводства. Славяне, заключая мирные договоры с неприятелем, клялись Перуном и Волосом и еще мечом. Это значит, что у них скотоводство и война были в великом уважении. Истуканы Волосовы были поставлены на многих местах; но мы не находим нигде описания, в каком виде изображался сей бог. Суеверие в рассуждении сего бога не исчезло еще и поныне; и наши простолюдины на место его поставили преподобного Власия. Сей бог по действиям своим похож на греческого *Пана*, или *Паноса*; но, вероятно, не по изображению.

Световид (*Святовид*, или *Святович*) был бог света и вместе войны. Его можно сравнивать с *Аполлоном*, которого древние изображали в сиянии; а иногда с луком и со стрелами. Его нельзя прямо назвать славянским богом; он более был в почтении у западных варягов, имел храм на острове *Руген* в городе *Ахрон*. Жители сего города, как мужчины, так и женщины, каждый год должны были приносить во храм его по пенязю.

Истукан Световидов был колоссальной величины и сделан из крепкого дерева; имел четыре лица, которые, может быть, означали четыре времени года. Он изображаем был молодым, с завитыми кудрями и в коротком платье. В левой руке держал он лук, а в правой рог из какого нибудь металла сделанный. На боку висел у него превеликий меч в серебряных ножнах. По сторону лежало седло и узда коня его, который тут же изображался в чрезвычайной величине.

Истукан его стоял посреди храма в капище, или в кивоте; и завешен со всех сторон красными и великолепными завесами. К нему никто не мог входить, кроме престарелого жреца; и тот, входя в капище, должен был удерживать дух, чтоб не осквернить божество смертным дыханием.

Праздновали Световиду по окончании жатвы. В жертву приносили ему скотов. В самый день праздника жрец по заклании жертвы, став пред всем народом, брал из правой руки истукана рог, за год назад наполненный вином, – и смотря, много или мало оное убыло, прорицал велегласно о плодородии следующего года. После того выливал он старое вино пред ногами истукана и наполнял новым, пил в честь своего бога и просил о ниспослании на поля их обильной жатвы, также победы на сопостатов; потом наливал снова рог вином и ставил идолу в правую руку; пиршество сопровождается было пьянством и игрищами.

Световиду посвящен был белый конь, который всегда стоял при храме его; и у которого не позволялось выдернуть ни одного волоса, а кольми паче сесть на него. Сим правом пользовался один только жрец. Ахронцы верили, что их бог на сем коне ездил побеждать врагов их. Когда должно было гадать о будущем успехе их оружия; то втыкали стоймя перед храмом шесть копий по два в ряд и ко всяким двум копиям привязывали поперек по одному столь высоко, чтобы лошадь могла перешагнуть без затруднения. Жрец по прочтении некоторых молитв брал коня за узду и переводил его чрез те поперечные копыя. Ежели конь переступал чрез них сперва правою ногою, то сие предвещало хороший успех; в противном случае не надеялись успеха и отлагали войну до другого времени.

Из сего описания видно, что Световид один помещал в себе: *Феба*, *Марса*, *Цереру* и *Бахуса*.

Купало, или *Купала*, неизвестно, бог или богиня; я принимаю за богиню, и думаю, что она соответствовала Римской *Помоне* или лучше *Флоре*. Она почиталась самою приятною и благодетельною; и ее могущество простиралось над всеми полевыми произрастаниями. Праздник ее, бывший в начале лета, 24 июня, и в середине лета 20 июля, сопровождаем был разными удовольствиями. Отроки и девицы все, украсившись венками и поясами из цветов или из травы соплетенными, раскладывали огонь и, взявшись за руки, плясали около оного, перепрыгивали чрез него и пели песни, припевая имя сей богини. На всех видно было приятное впечатление радости; и только невинные смехи прерывали иногда гимнопение. Праздник сей богини и ныне еще в почтении у наших суеверов. Они на место самой Купалы, св. *Агриппину* назвав *Купальницею*, *Иоанна Крестителя* *Купальским*, составляют разные игрища. В эти дни рвут целительные травы веря, что собранные тогда травы действительны при лечении всяких болезней. Такое упражнение суеверов заставляет думать, что Купала была также богиня здоровья и соответствовала греческому Эскулапию (если принять Купало в значении богини; то сходственнее кажется будет сравнять ее с греческою Гигеею). Мы не знаем, как изображался истукан сей богини.

[...]

Лада во всем была похожа на *Киприду* или *Венеру*. Славяне почитали ее богинею любви и браков. Жених и невеста приносили ей в жертву пару голубей; причем жрец, прося новобрачным ниспослать благословение, совершал обряд бракосочетания. Она имела, так как и Венера,

трех молоденьких сынков: *Леля*, *Полеля* и *Дида*. Лель имел те же должности, что *Эрот*, или *Амур*; Полель был славянский *Гименей*, а Дид занимал место *Антерота*, божка, отвращающего любовь и во всем противного двум своим братьям. Как сама Лада, так и сыновья ее почитались самими древнейшими божествами славянскими.

Храм Ладин был в Киеве, а истукан ее неизвестно как изображался.

В остатках старинных хороводных и свадебных песен можно слышать перепорченные имена как матери, так и сыновей ее.

[...]

Дажбог, он же *Дашуба* и *Дажба*: это был славянский Плутус; ему приносили жертву и просили о ниспослании счастья и богатства. Храм во имя его был в Киеве; изображения его мы не знаем.

[...]

Коляда, по мнению некоторых, был славянский бог мира и соответствовал римскому *Янусу*. Праздник его торжествовали 24 декабря, который препровождаем был в веселиях и пиршествах. Храм сего бога (а может быть, богини) был в Киеве; об изображении его ничего знать нельзя.

По некоторым местам и ныне еще суеверы торжествуют день сей почти с такими же обрядами, как и древние. Мне удалось слышать в детстве один гимн *Коляде*, которого я одно только начало могу припомнить; вот оно:

За рекою, за быстрою, ой калиодка!
Леса стоят дремучие, ой калиодка!
Во тех лесах огни горят, —
Огни горят великие —
Во круг огней скамьи стоят —
Скамьи стоят дубовые —
На тех скамьях добры молодцы —
Добры молодцы, красны девицы —
Поют песни Калиодушке. —
В середине их старик сидит; —
Он точит свой булатный нож. —
Возле его козел стоит. —

Сие начало показывает самый обряд древнего жертвоприношения.

Некоторые полагают, что в это же время и после несколько дней праздновали славяне богу своему *Туру*, — богу всяких увеселений и сладострастия. Тур был у славян тоже, что *Приап* у римлян. Особенное же празднество сему богу совершаемо было во время нынешнего Семика; и в сие время выходили оба пола из границ благопристойности.

Нынешние подблюдные песни и святочные гадания суть не что иное, как остатки обрядов при празднествах *Коляды* и *Тура* употреблявшихся.

[...]

Ягая-баба, или просто *Баба-яга*, также может причислиться к богиням адским. Её представляли страшною, сухоощавою и огромной величины женщиною с костяными ногами, в руке держащею железный пест (или палицу), которым она погоняла железную же ступу, в коей обыкновенно разъезжала вместо колесницы. По всем приметам видно, что в виде таком славяне изображали богиню *смерти*, или *Парку*, или какую-нибудь адскую *Фурию*; а может быть, и всё разрушающего Сатурна: потому что она (как верили), поймав человека, толкла его в своей ступе и после пожирала.

В русских сказках всегда ее представляют живущею в *избушке на курьих лапках*, которая стояла к лесу передом и которая слушалась путешественников, — если кто скажет: *избушка, избушка! стань к лесу задом, а ко мне передом*. Путешественник обыкновенно заставал *Бабу-ягу* лежащую на скамье из угла в угол, нос в потолок. Она, почувствовав движение избушки, говорит: *о сю пору русского духу слыхом не слыхать, видом не видать; а ныне русский дух в очах появился, — кто ты таков?* По большей части путешественник был какой-нибудь царевич; и она давала ему добрые наставления для продолжения пути его. Ей еще придают множество стад коров и овец; да сверх того молодую и добрую внучку, которая иногда потчевала путешественников молоком: из сего можно заключить, что она была богиня земная — начальница над лесами, русалками и стадами — и при том не жестокого характера.

У славян еще были свои земные *чудовища*; а именно:

1) *Полканы*, которым приписывали человеческий вид до пояса с руками; а остальное все тело лошадиное с четырьмя ногами. Они по воображению славян имели чрезвычайную силу и, кажется, во всем похожи были на древних центавров.

2) *Сивко бурко*. Под сим именем разумели они коня невидимого, – которого богатыри призывали тогда, когда им было нужно. Сей конь всегда являлся по приглашению следующих слов: *Сивко бурко, веций коурко! стань передо мной, как лист перед травой*. По рассказам, какие он делал чудеса, надобно думать: что у него были крылья; ибо он вспрыгивал до окон высоких теремов, так что богатырь мог снимать кольцо с пальца какой-нибудь царевны. Он похож на Пегаса; но только служил не поэтам, а рыцарям.

3) *Змей Горыныч* представлялся или воображался с семью змеиными головами и с страшным крокодиловым туловищем и хвостом. *Горыныч*, может быть, он назван по тому, что жил в горных пещерах. Действия его и должности состояли в том, чтобы защищать волшебные места, как то: *замки, дворцы* и пр. По рассказам иначе нельзя было его победить, как отрубить все семь голов разом. Но как многие Иваны Царевичи сражались с таким змеем и побеждали его; то из сего заключить можно, что Змей Горыныч был не один.

[...]

У славян также были свои Пенаты и назывались *Домовыми*. Славяне почитали их защитниками домов и уважали менее, нежели богов общих. Таковыми можно почестъ *змей* или *ужей*, ими обожаемых, *Кикимору* – бога сна, *Симаергла*, или *Семиргла*, *Стриба*, или *Стрибога*. О сих богах, кроме имени их, более ничего не известно.

Славяне имели еще нижней степени богов или полубогов. *Лешими* назывались у них лесные боги или *Сатиры*. Их представляли косматыми с головы до пояса, имеющими стан человеческий с козьими рогами, ушами и бороною; иногда с козлиными ногами и хвостом. Они имели неопределенную величину: в лесу были с лесом равны, а на лугу с травой. Их считали недоброжелателями рода человеческого: будто они обходят людей в лесу и помрачают память их, отчего люди не могут найти дороги из лесу. Им же приписывали славяне свойство эха или *отголоска*, будто они откликаются на человеческий голос и тем заводят в густоту леса; а после, поймав человека, увеселяются щекотаньем его до тех пор, пока он испустит последнее дыхание.

Русалки значили у славян то же, что *Нимфы* и *Дриады* у греков и римлян, т. е. богини вод и рощ. Им приписывали все приятности и красоту женского пола. Часто видали их играющих при берегах озер или рек; а иногда они купались и чесали свои длинные зеленые волосы; иногда качались на ветвях больших деревьев; иногда видали, что они разматывали на сучьях деревьев пряжу, которую, как говорят, крали у деревенских женщин ночью. Славяне приносили им жертву, которая, как видно, состояла в нитках: ибо и ныне еще у некоторых деревенских женщин-суеверок есть обыкновение вешать небольшой моток ниток на старое какое-нибудь дерево.

[...]

Нет ни одного народа, который бы не имел совсем желания узнавать будущее свое счастье и несчастье, – что Промысл высшего с великим намерением от нас сокрывает. Все имели своих оракулов и гадали о будущем. Славяне также различные имели способы гадания для узнания наперед о будущих приключениях. Самое обыкновенное их гадание состояло в кружках, у которых одна сторона была белая, а другая черная. Сии кружки бросали вверх: когда кружок упадет вверх белою стороною, это было предзнаменованием счастливым; в противном случае предвещали несчастье. Когда брошены два кружка, – и один из них покажет на верху белую, а другой черную сторону; в таком случае гадание предзнаменовало посредственный успех в предприятиях. Различный полет птиц, встреча некоторых животных, их крик также почитались у славян пророческими предвещениями. Таковые и подобные сим приметы и по сие время существуют даже у просвещеннейших народов.

Общая всех народов суетность выдумала воздавать благоговейные почести телам умерших. Славяне, как люди, имели также свои поминки по усопшим и составляли великолепные празднества в честь их, которые назывались *тризнами*. Они по смерти родственника своего зарывали тело его в землю и на могиле его пили крепкий мед, ели различные кушанья, – при всяком куске и при всяком стакане поминая имя умершего. Над телами же знаменитых людей насыпали высокий *холм* или *курган*, который служил вместо великолепного памятника.

Из сего обряда мы можем заключить, что славяне признавали бессмертие душ и были признательны в славе и великим деяниям своих соотечественников. Они в сей признательности до того доходили, что некоторых причислили к обществу богов. *Волхв*, или *Волховец*, был, по повествованию некоторых, сын или потомок древнейшего основателя славянского народа князя *Славена*. Он славился своею мудростию; подданные почли его волшебником, выдумали о нем множество чудес и по смерти обоготворили его. *Световид* был некогда князем славянским; и после мы видим бога света и войны под тем же именем.

Некоторые из славянских поколений тела умерших своих сожигали в кострах, а пепел оставшийся и кости полагали в сосуд и всё это сберегали с благоговением.

Друкується зі скороченнями.

Уперше надруковано: Український вестник. — 1817. — № 6. — Апрель. — 1. Науки и искусства. — С. 3–24; Май. — 1. Науки и искусства. — С. 141–151.

* Стаття І. Є. Срезневського підготовлена до друку к. ф. н., доц. Педченко Л. В. та к. ф. н., доц. Філоном М. І.